

Соблюдайте правила логического мышления

Эвальд Ильенков. От абстрактного к конкретному. Крутой маршрут. 1950–1960. М.: Канон+; РООИ «Реабилитация», 2017. — 384 с.

ФИЗИКА утверждает: тепловая смерть Вселенной неизбежна. Догма диалектического материализма утверждает: материя неуничтожима. Эвальд Ильенков в своей работе «Космология духа» разрешает противоречие: при коммунизме люди жертвуют собой ради будущего — совершат нечто похожее на Большой взрыв и запустят процесс зарождения жизни и разума заново.

«Космология духа» — лишь один из текстов, ради которых стоит обратиться к сборнику «От абстрактного к конкретному. Крутой маршрут». Елена Иллеш, Андрей Майданский, Владислав Лекторский и Илья Раскин подготовили новую книгу — логичное продолжение философского детектива «Страсти по тезисам: о предмете философии. 1954–1955». В «Крутом маршруте» изданы ранее не публиковавшиеся (за исключением «Космологии духа») тексты Ильенкова 1950-х — начала 1960-х годов, новые архивные документы, а также воспоминания Лекторского, эссе Раскина и комментарии Майданского.

Главная находка новой книги — это сами «гносеологические» тезисы, написанные Ильенковым вместе с коллегой Валентином Коровиковым и затерянные до недавнего времени в Архиве Российской академии наук. В «Страстях по тезисам» была опубликована реконструкция тезисов по обрывочным цитатам из стенограмм партсобраний и заседаний партбюро философского факультета МГУ и Института философии АН СССР. В наши дни трудно понять, почему из-за короткого текста разразился скандал, закончившийся увольнением Ильенкова и Коровикова: Ильенков остался работать только в Институте философии и боль-

ше не мог напрямую передавать свои идеи студентам и аспирантам, а Коровиков и вовсе сменил профессию, став журналистом.

Ильенков и Коровиков писали:

Философия и есть наука о научном мышлении, о его законах и формах... рассматривающая формы и законы мышления как аналогии соответствующих объективных всеобщих форм развития объективной реальности (253–254).

Что возмутительного в том, что философия перестала быть «научной наукой», когда появилось учение Маркса и Энгельса? Ответ связан с институциональной борьбой, охватившей тогда философский факультет. В это же время, в 1954–1955 годах, декан Василий Молодцов, как пишет Сергей Корсаков, предпринял удачную попытку скомпрометировать Зиновия Белецкого, чтобы вынудить его покинуть МГУ. Белецкий настроил против себя преподавателей философского факультета своими письмами Сталину по поводу третьего тома «Истории философии» и книги Георгия Александрова «История западноевропейской философии». Результатом этих писем стала всесоюзная дискуссия в 1947 году и создание специализированного журнала «Вопросы философии», в первом номере которого вышла стенограмма обсуждения. Поводом для обвинений Белецкого стали его «гносеологические» высказывания на симпозиуме, прошедшем в МГУ в 1955 году, о предмете философии¹. В итоге Ильенкова и Коровикова уволили с той же формулировкой, что и Белецкого, — за «гносеологизм». Впрочем, между Ильенковым и Молодцовым действительно возникли серьезные идейные противоречия, как между марксистом-«гегельянцем» и марксистом-«позитивистом».

Однако, когда Ильенков был вынужден уйти из МГУ, его проблемы с партийным начальством только начались. «Крутой маршрут» — это новая документальная повесть о дальнейших злоключениях Ильенкова, реконструированных Иллеш по архивным документам: как философ выступил против сталинских «генералов философского фронта», как защищал диалектическую логику перед формальной, как попал в переплет из-за рецензии на книгу Дьёрдя Лукача, ставшего членом мятежного венгерского правительства, как чуть не повторил судьбу Пастернака, когда рукопись книги «Диалектика абстрактного и конкретного в научно-

1. Корсаков С. Деканы философского факультета МГУ: библиографические очерки // Философский факультет МГУ имени М.В. Ломоносова: страницы истории. М.: МГУ, 2011. С. 111–112.

теоретическом мышлении» оказалась в итальянском издательстве у коммуниста Джанджакомо Фельтринелли без санкции Института философии АН СССР. Стенограммы обсуждений на партбюро и партсобраниях, обвинения в антипартийном поведении и последующие покаянные выступления читаются на одном дыхании, так что не успеваешь следить за ссылками на архивные источники (не всегда удачно расставленными) или проверить деталь, к которой так и просится редакторское пояснение. Нагляднее, чем на сотнях мемуарных страниц, показана демотивирующая, депрессивная атмосфера: даже друзья философа были вынуждены участвовать в показательном судилище над Ильенковым.

Об атмосфере тех лет рассказывает Раскин в своем эссе. Он приписывает обвинителям Ильенкова зависть к его успеху у зарубежных коллег и в то же время отрицает какую-либо интеллектуальную составляющую этих обвинений. Аналогия с конкурсом красоты, приводимая Раскиным (91), нисколько не проясняет ситуацию и оставляет читателя в лучшем случае в недоумении: Ильенков сравнивается с женщиной, победившей на конкурсе красоты, которой завидуют проигравшие «некрасивые». Составленный Раскиным психологический портрет начальников «от философии» не лишен противоречий: они заинтересованы и в сохранении интеллектуального статус-кво, при котором высшая инстанция по установлению истины — это партия, и в признании иностранных коллег (оттого и «завидуют» их интересу к работам Ильенкова). Если эти стремления и были совместимы, то не для Павла Федосеева или Виктора Черткова.

Раскин возмущен федосеевскими призывами к «классовой ненависти к врагу» (92), однако этот сюжет заслуживает не только моральной оценки: он выдает в Федосееве наследника сталинской ортодоксии, согласно которой именно так следует трактовать социалистический гуманизм — как ненависть к классовому врагу². Почему для Ильенкова и его оппонентов международные контакты имели различную ценность, объясняется не психологическими особенностями, а разностью габитусов. Благодаря образованию, полученному на философском факультете, и в первую очередь специализации на истории философии, Ильенков усвоил тип профессиональной компетентности, который не ограничи-

2. Подробнее о социалистическом гуманизме как ненависти к классовому врагу см.: Бикбов А. Грамматика порядка: Историческая социология понятий, которые меняют нашу реальность. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2014. С. 182–184.

вался партийной дисциплиной, а предполагал знание иностранных языков, используемых для работы с классическими философскими текстами и для международных контактов³. Иначе говоря, он следовал автономистским тенденциям истории философии как дисциплины, где существуют собственные цели и критерии оценки, помимо партийных. Именно эта стратегия исследования и делает тексты Ильенкова интересными.

В приведенном Раскиным сравнении двух авторефератов кандидатской диссертации философа — первоначального варианта и отредактированного научным руководителем Теодором Ойзерманом — виден тот компромисс в действии, который Ойзерман старался привить Ильенкову. Судить о характере редакции было бы удобнее, если бы составители книги поместили рядом и ойзермановский вариант автореферата, что, впрочем, значительно увеличило бы объем издания. Не вошли в том и пометки Ойзермана к черновым текстам Ильенкова: «К вопросу о роли практики в познании», «К вопросу о соотношении представления и мысли, практического сознания и науки», «К вопросу о понятии». Правки Ойзермана не менее значимы, чем оригинальный текст Ильенкова. Они помогают понять, что представляло собой философское мышление советских авторов, как они осуществляли самоцензуру в своих текстах, где проходили их собственные границы допустимого в высказывании. Впрочем, если целью книги было представить настоящую творческую лабораторию самого Ильенкова, то эта цель, вне всякого сомнения, достигнута. Следить за движением мысли философа по черновым заметкам, записям студенческих семинаров, которые он вел, — редкое и тем более ценное удовольствие.

Работу «К вопросу о понятии», как и другие тексты — стенограмму выступления Ильенкова в 1954 году в МГУ («Доклад на дискуссии по логике»), черновые наброски «Концепция диалектики у С. А. Яновской» и «О различии между „логическими“ и „онтологическими“ определениями», — нужно рассматривать в контексте дебатов 1950–1960-х годов о соотношении формальной и диалектической логики. Так, Ильенков пишет: «Понятие и есть реальное бытие конкретного целого в сознании» (210),

3. О значении историко-философской компетенции в 1940-е годы см.: *Он же. Парадоксы императивной интернационализации в 1943–1953 гг. // Советское государство и общество в период позднего сталинизма: 1945–1953 гг. Материалы VII международной научной конференции. Тверь, 4–6 декабря 2014 г. М.: Политическая энциклопедия; Президентский центр Б. Н. Ельцина, 2015. С. 45–57.*

а само понятие в формально-логическом смысле он отождествляет с представлением и потому считает несовершенным и недостаточным. Софью Яновскую Ильенков упрекает в ошибках кантианского толка (339), в том, что она увязла в математике, и даже советует ей «вспомнить свою философскую молодость» (342). Между тем Яновская, выпускница Института красной профессуры и участница Гражданской войны, с 1920-х годов поддерживала тесный контакт с философами: принимала в Москве Витгенштейна, писала о философии Гегеля в журнал «Под знаменем марксизма», в 1940-х годах участвовала в организации кафедры логики на философском факультете (раньше, чем на механико-математическом, где сама она работала) и читала там лекции по математической логике для преподавателей, студентов и аспирантов. Издание «Математических рукописей К. Маркса» было подготовлено именно ею, как и перевод «Значения и необходимости» Рудольфа Карнапа — и это только один из множества инициированных ею переводов западных логиков. Приведенные в книге тексты Ильенкова содержат критику позиции Яновской. Впрочем, Ильенков не присоединялся и к другой стороне — диалектическим логикам из МГУ (Виталию Черкесову, Василию Мальцеву и Митрофану Алексееву).

О характере дискуссии свидетельствует заключение Мальцева в последний день обсуждения, проходившего в 1954 году в Институте философии: по его мнению, круг спорных вопросов сузился⁴. Сквозные темы всей дискуссии касались применения трех законов логики в практике познания. Все три закона, с точки зрения диалектических логиков, не описывали процесс мышления во всей его полноте. Так, по их мнению, закон тождества не улавливал диалектической изменчивости, становления, развития, которые происходят в диалектически устроенной действительности. Закон недопустимости противоречия, с этих позиций, — самый метафизический закон. Вместе с отрывом формы от содержания упомянутые пункты критики составляли основу для обвинений формальной логики в идеализме. Эти вопросы вытекали, с одной стороны, из онтологических предпосылок диалектического материализма, с другой — из некоторого смешения проблем логики и проблем теории познания, которого практически нельзя было избежать в контексте растиражированной фразы из «Философских тетрадей» Ленина о тождестве диалектики, логики и теории познания.

4. Стенограмма дискуссии «О разногласиях по вопросам логики» за 1954 год // Архив МГУ. Ф. 13. Оп. 2. Д. 45. Л. 289. Доклад Ильенкова в рецензируемой книге приведен по этой стенограмме.

Впрочем, Мальцев поторопился с такой оптимистичной оценкой промежуточных итогов спора: точек напряжения между сторонами дискуссии становилось все больше. Мальцев вместе со своими коллегами по МГУ Алексеевым и Черкесовым в середине 1960-х годов предпринял попытку создать кафедру диалектической логики на философском факультете. Этому успешно противостояли представители формальной логики в коалиции с коллегами с механико-математического факультета: подписанный ректором математиком Иваном Петровским приказ о создании кафедры остался без движения. Ильенков как раз после истории с «гносеологическими тезисами» лишился возможности напрямую транслировать свои идеи через образовательные институты. Он отмежевался от диалектических логиков из МГУ, что контрастировало со сплоченностью формальных и математических логиков и в конечном итоге стало одной из причин институционального поражения диалектической логики. Так, Ильенков заявил, что разногласия между Черкесовым — Алексеевым и Валентином Асмусом — Николаем Воробьевым — Анатолием Ветровым не так уж велики (254). Об Алексееве он отзывался крайне резко: у него не точка зрения, а каша (256). Возможно, Ильенков не объединился с философами из МГУ, поскольку не видел для себя возможностей вернуться в университет. Нельзя сказать, что это продиктовано нежеланием вступать в коалицию с кем бы то ни было: Ильенков ценил диалектических логиков — своих коллег по Институту философии (Евгения Ситковского, Марка Розенталя).

Наметившуюся в дискуссии оппозицию классового и общечеловеческого Ильенков трактует как противопоставление исторического неисторическому. Он не видит особого смысла заниматься «общечеловеческими» формами мышления, не претерпевшими изменения в истории, как это предлагают защитники формальной логики. С точки зрения Ильенкова, эти формы не отражают «специфики мышления»:

Поэтому, когда Воробьев говорил о том, что эти формы общечеловечески и что они сложились очень давно, десятки тысяч лет тому назад, то с этим можно согласиться, расширив пределы истинности его утверждения — не только общечеловечески они, а общемлекопитающи и сложились не десятки тысяч, а миллионы и десятки миллионов лет назад... (262)

Аргумент Ильенкова намного изящнее аргумента Черкесова, который заслужил справедливый упрек в скрытом «марризме», то есть в утверждении классового характера мышления. Этот упрек от-

сылает к теории языковеда Николая Марра о классовом характере языка. Теория получила официальное признание в 1930–1940-е годы, но в 1950 году Сталин заявил о ее немарксистском характере. Черкесов, как и Ильенков, стоял на историцистских позициях и в своем первом докладе на дискуссии отверг классовую нейтральность логики следующим образом:

С этой [формальных логиков] точки зрения одинаково логически безупречно мышление материалиста и идеалиста, диалектика и метафизика, коммуниста и реакционного правосоциалиста⁵.

То есть Черкесов настаивал на политической опасности формальной логики, в то время как Ильенков предложил, скорее, концептуальную критику: его радикализм в оценке формальной логики достиг высшей точки в утверждении о том, что она никогда не занималась «спецификой мышления» (269, 273). По Ильенкову, специфика мышления в том, что оно «способно отражать, выражать внутренние всеобщие необходимые закономерности объективного... предмета» (263–264), который устроен диалектически, а не в том, что оно выражается в суждениях и умозаклчениях (260).

Однако нельзя сказать, что Ильенков вовсе не апеллировал к партийному авторитету. Иллеш приводит черновики его письма к Анастасу Микояну о положении дел в философии после развенчания культа личности. Пафос Ильенкова понятен: генералами философского фронта остались те же люди, которые еще недавно провозглашали гениальность «Краткого курса истории ВКП(б)» и прочих сталинских текстов, и никаких радикальных перемен под их началом произойти не могло. Ильенков не стесняется обвинять декана философского факультета Василия Молодцова, директоров Института философии Георгия Александрова (1947–1954) и Павла Федосеева (1955–1962) в идеализме и метафизике — обычных упреках в адрес современных «буржуазных» философов. Он практически заступает за Абрама Деборина на том основании, что с осуждением его взглядов была отброшена вся проблематика диалектической логики, которой тот занимался (30). Это довольно смелое выступление, ведь постановление ЦК КПСС 1931 года об осуждении «меньшевистствующего идеализма» отменено не было.

5. Там же. Л. 30б.

Сейчас П. Н. Федосеев и В. С. Молодцов упорно повторяют, что основной бедой философов является то, что они не знают естествознания. На самом же деле основной бедой является то, что они не знают прежде всего *философии* (32).

Ильенковские требования перемен середины 1950-х годов контрастируют с его тревожным письмом в ЦК, которое датируется второй половиной 1960-х: он был озабочен тем, что «позитивистское» умаление философии только усугубилось. Генералы от философии, за исключением Александрова, остались на своих местах. Мрачное пророчество Ильенкова о конце воспроизводства диалектических логиков⁶ сбылось.

Истории с танцующими ульяновскими курсантами или студентом, отказавшимся снять кипу в ответ на требование экзаменатора, показывают, что градус морального негодования высок, но пока не обрел институционального выражения. Хотя 1950-е годы с их товарищескими судами и партсобраниями, казалось бы, остались далеко позади, поверить в их скорое возрождение сегодня, пожалуй, легче, чем в новый мировой пожар.

Мария Меньшикова

6. Ильенков Э. О положении с философией // Эвальд Васильевич Ильенков / Под ред. В. И. Толстых. М.: РОССПЭН, 2009. С. 386–387.